

ТОНУЩИЙ

В ГРЁЗАХ



16+

МАРИАННА ЦЕНТОВСКАЯ

Марианна Центовская

Тону́щий в грёзах

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Марианна Центовская

Тонуций в грёзах / Марианна Центовская — «ЛитРес:
Самиздат», 2021

Невольный узник своей памяти - Одинокий. Он живёт мире, который затягивает его в своё тёмное начало. Чем обернутся для Одинокого призраки прошлого? Что за воспоминания вырываются наружу, и чем они страшны? Страдания, боль и непонимание собственной реальности, то, что стало кошмаром наяву в жизни этого человека.

Содержание

Август	5
Сентябрь	7
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Марианна Центовская

Тонуций в грёзах

Август

На закате дня, в полупустой неубранной комнатухе с рваными белыми обоями, где через дыры за мной подсматривала холодная до ужаса стена, я смиренно сидел на скрипящей кровати и наблюдал за полётом пугающих меня голубей в маленьком окне справа. Мои молодые руки держали бумажный лист, на котором синими чернилами и неестественным почерком было написано имя из пяти букв, но мои глаза словно не воспринимали эти буквы. Прочитать было невозможно. Я скомкал от злости листок и со всей силы швырнул его в стену, но бумажный шарик лишь закружился в воздухе и медленно приземлился на грязный линолеум. Я пришёл в ярость. Сам улльский бог Агум словно присел на моё плечо и подталкивал на столь бешеные выходки. Я бы хотел поговорить с ним и попросить его уйти, но думаю, что обычные люди не владеют даром убеждения в отличие от тех, кто выше нас. Поэтому Агум в преимуществе, и мне остаётся только временами игнорировать его зловещие речи.

Я вроде как уже перешёл за второй десяток своей жизни. Мои воспоминания как старая киноплёнка: в местах потёртая и покрытая чёрными пятнами. Многие события испарились из памяти, как вода при высокой температуре, и это не даёт мне покоя уже очень долгое время. Я иногда слышу голос матери, но сам её давненько не видел, ведь лицо её когда-то попрощалось со мной в последний раз. Позабыв календарь, я кое-как могу ориентироваться по месяцам, только потому, что живу тем, что вижу и слышу. Бывает, выгляну в окно, а там снег или дождь, опавшие листья или распускающиеся почки на тонких веточках деревьев. Недавно я снова захотел повидать столь далёкий от меня окружающий мир, почувствовать запах приближающейся осени, и ответ такой лёгкой природной загадки был очевиден: август – предвестник золотой поры. Каждый день я дышу тёплым и свежим воздухом, приоткрывая форточку и сидя на подоконнике.

Я ненавижу своё имя. Существа зовут меня по-другому. Вы спросите наверняка, что за существа, – мои друзья. Большую часть времени я провожу с Озорным. Он любит шалости, иногда может нахулиганить. Ко мне также заглядывают Печальный, Гневный, Любопытный и Тревожный. Меня же они прозвали Одиноким, но это неправда. В комнату частенько заходит моя жена Вера. Она кормит меня странными обедами и поит отвратительными жидкостями. Я поедая зелёные шарики из деревянной миски и запивая это всё красной водой, которая пахнет кислым мясом. Я помню, что любил Веру, дарил ей цветы, целовал, но это лишь давний сон, и я много говорю об этом, из-за чего она может расплакаться. Моя жена заботится обо мне, пытается оградить от всего, что находится за пределами моей комнаты, говоря о том, что все хотят причинить мне вред и посадить в клетку. Я слушаюсь её, потому что люблю летать и не хочу сидеть в какой-то маленькой клетке, дыша запахом ржавого железа. Спасибо ей.

Я записываю абсолютно всё, что чувствую, вижу, слышу, ем, пью и трогаю. Мне так легче, потому что мой мир переполнен событиями, вещами, существами, и с этим сложно справиться. Когда я делаю записи в своей маленькой книжке с кожаной обложкой и потёртым переплетом, мне становится легче. Может быть, я писатель? Хотя было бы лучше, чтобы при находке моей рукописи её закопали в лесу, а лучше сожгли. Личное есть личное. В конце каждого месяца я сажусь на деревянный шаткий стул, беру в левую руку карандаш и пишу о пережитом, опираясь грудью на не менее неустойчивый стол (он капельку побитый мною от злости). Буквы выписываются сами, я их не заставляю, словно они знают, где и как им каллиграфично следовать друг за другом. Строки моего творения криво тянутся вниз, а запятые и точки протестуют

мне, правда, когда я надавливаю на карандаш, они покорно застывают. Так и исписаны ещё три месяца позади, но в моих планах продолжать, пока я совсем не иссякну энергией.

Август был хорошим. Я успел здорово провести время с Любопытным. Сначала мы долго беседовали о непонятных мне и по сей день гипотезах, учили древний язык, а позже Любопытный предложил мне исследовать мою комнату. Я долго не мог понять зачем, пока не нашёл одну интересную вещь, но об этом позже. Без понятия, что необычный друг делал два дня в поисках истины моего убежища, а всё потому, что я его не вижу. Вы, наверное, думали иначе. Совсем нет! Я только слышу и чувствую своих гостей, но совсем не зрею на них. Может быть, они сами этого не хотят? Стесняются? Я не стал бы задавать эти бестактные вопросы, это не моё дело. Любопытный сдирал прекрасные белоснежные обои... Вру, они были уже почерневшие и изрисованные моим другом-художником (о нём я напишу позже). Любопытный отодвинул шкаф, где лежали в стопке пыльные книги, и нащупал что-то необычное в стене. А я же не дурак! Так и сказал ему, что это стена, она плоская, и нащупать там ничего невозможно! Любопытный долго пытался доказать мне обратное, и пока он не предложил мне самому посмотреть находку, я не верил. Нехотя встав со своей постели, я подошёл вплотную к стене, параллельно попросив друга отойти, чтобы не задеть его. Моя рука прильнула к холодной плоскости и начала гладить её в попытке почувствовать выпуклость. Спустя немного времени я ощутил скользящую по ладони вертикальную линию, затем горизонтальную, после чего моя конечность стала вырисовывать квадрат под обоями. Я удивился и стал ругать себя: «Как же я мог быть таким ненаблюдательным?» Но вспомнил, что на этом месте стоял шкаф, и стал думать по-другому: «Ну и слабак! Не мог мебель подвинуть...» Я лихорадочно стал рвать обои в нетерпении узнать, что же там. И наконец, последнее движение, и... ящичек, встроенный в стену? «Похоже на сейф», – подумал я и стал ковырять его. Благодаря ловкости моих пальцев он открылся, но там оказалось пусто. Я даже немного расстроился. Любопытный втихую покинул меня, и я, Одинокый, сел на край кровати, долго рассматривая сейф, и стал дожидаться следующего гостя, в надежде на то, что, если я заведу больше друзей, меня перестанут именовать столь обидным прозвищем.

Сентябрь

Я помню первое солнечное утро с наступлением осени, когда в комнату забежал мой друг-художник с баночками гуаши и большими кистями в руках. Сам он очень маленький, а голосок его такой чистый и мягкий, что, когда мой друг-художник рассказывает о своей жизни, его слова льются в мои уши, как сладкий мёд, а глаза цвета морского бриза стремятся в мои зрачки и дарят чувство лёгкости. Вера зовёт его Тимофеем, иногда Тимой. Они знакомы, и моя жена проводит с ним не меньше времени, чем со мной. Он всегда вежливо здоровается, спрашивает о самочувствии, а я в свою очередь интересуюсь у юного творца его новыми идеями, красками, которые он хочет нанести на различные полотна, и не забываю сам поделиться с ним яркими событиями, произошедшими в моей жизни.

Тима в тот день был в особо игривом настроении и по приходе сразу начал делать наброски на стенах. Он рисовал странные и несимметричные линии, после чего макнул кисть в зелёную краску и с особой любовью к своему делу начал заполнять пространство в фигурах. Я наблюдал за тем, как он волнообразными движениями малевал на ободранных обоях и искренне улыбался. Не знаю почему, но его присутствие успокаивало и воодушевляло меня. Параллельно его делу я стал рассказывать о своих друзьях, наших приключениях в маленькой комнате и о том, что повсюду можно найти что-то особенное, то, что проникает в нутро и угощает чувством азарта. Тима внимательно слушал меня, даже, бывало, отвечал, правда, как-то беспокойно (быть может, глубоко погрузился в своё искусство). Долгий час мы молчали. Он рисовал, а я наблюдал, пока мой очаровательный друг-художник не бросил одну фразу: «Как они смеют называть тебя Одиноким, папа?! Я же всегда рядом, в своей детской комнате неподалёку!» Папа? «Не может быть!» – изъяснил я Тиме и признался ему, что он мой друг, а не сын, и что он просто ошибся. Мой милый гость немного побледнел, расстроился, и мне даже стало жаль его на мгновение, пока не пришла Вера. Она вставила ключ снаружи, прокрутила его два раза и, отворив дверь, долго смотрела в мою сторону. Как я понял, моя жена была опечалена. Вера присела на корточки рядом с Тимой, взяла его под руку и одним лёгким движением подняла, сказав: «Тимочка, ты, наверное, утомился? Давай сходим прогуляться?» После чего мой друг-художник без колебаний согласился, собрал свои творческие принадлежности, так же вежливо попрощался со мной и вышел из комнаты, оставив за собой незаконченный рисунок.

На прогулке, наверное, так хорошо, свежо. Я, вдохновлённый творчеством Тимы, подошёл к окну и, как обычно, открыл форточку, дабы подышать сентябрём. Когда я оглядел свой вид из окна: старые панельные дома, сплошные мусорные баки, потрёпанные клумбы, – вдруг заметил странное явление среди деревьев. Поначалу в густой листве бегали силуэты, похожие на таких же обычных, как все, и размером, и телосложением. Я долго наблюдал за мимолётными движениями, пока из-за одного дерева не вышел человек в чёрном спортивном костюме, но... вместо человеческой головы я увидел чудовищную морду ящерицы. Мне стало так плохо, что я был готов тотчас умереть, но остался стоять как вкопанный, с устремлённым взглядом на жуткого гибрида. После него подобных вышло ещё четверо, одетых таким же образом. Они переглядывались друг с другом, оборачивались назад, боясь, что их увидят, и вот настал самый страшный момент – один из этих существ заметил меня. Насколько я помню, у ящериц пустые глаза, выражающие ровным счётом ничего, но этот взгляд... он был кошмарным, как у монстра, пришельца, никогда такого не видел. Я испугался так сильно, что моё тело парализовало, его будто бы били током без остановки. Мне казалось, что я лишний, что не должен был зреть на них и эти твари войдут в мой дом, поднимутся на мой этаж, ворвутся в квартиру, а затем комнату и убьют меня. Но мне так повезло, когда спустя минуту ящер отвернулся и пошёл вслед за своими сородичами. Как камень с души упал! Я тут же рухнул на стоящую рядом с

окном кровать и прокручивал у себя в голове мысли о смерти, смерти и ещё раз смерти, пока не провалился в глубокий сон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.